

ЗНАМЯ СВОБОДЫ

Общественно-политическая газета Белоруссии

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1938 ГОДА ● № 160 (11684)

21 августа 1991 г., СРЕДА

Розничная цена — 14 копеек (стоимость экземпляра при подписке — 5 копеек).

Номер подписан в печать 20.08.91 г. в 22.00.

ОБРАЩЕНИЕ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР к белорусскому народу

Граждане Белорусской ССР!
В сложное, критическое для страны и республики время Президиум Верховного Совета Белорусской ССР обращается к вам с призывом сохранять выдержку и спокойствие.

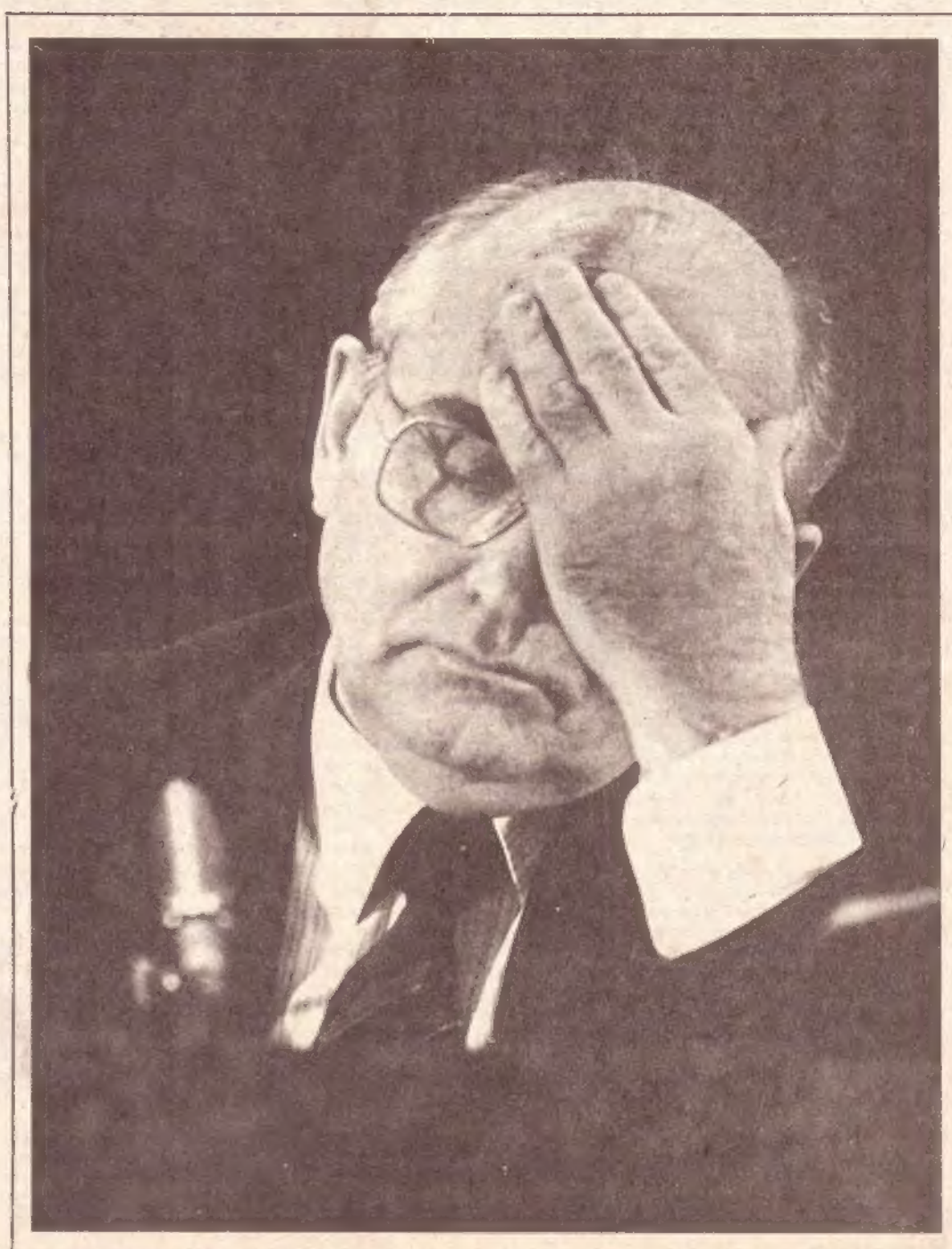
Президиум Верховного Совета Белорусской ССР заявляет, что для нас сейчас самое главное — сохранить целостность государства, стабилизировать и укрепить экономику, поднять международный авторитет страны, не допустить ослабления ее обороноспособности. Необходимо и в дальнейшем учитывать мнение народа, высказавшего на референдуме свою поддержку заключению Союзного договора. Только совместными усилиями можно преодолеть существующие трудности, в том числе последствия чернобыльской катастрофы. Заключенные Белорусской ССР договоры и соглашения с другими союзными республиками остаются основой для взаимоотношений народов внутри Союза ССР. Белорусская ССР приложит все усилия для неукоснительного выполнения

взятых на себя межреспубликанских и международных обязательств. На всей территории республики сохраняют силу законодательные акты Белорусской ССР, продолжают действовать законно сформированные и соответствующие Конституции Белорусской ССР структуры государственной власти и управления. Президиум Верховного Совета Белорусской ССР призывает всех граждан республики консолидировать усилия на преодоление возникшего кризиса. Мы не должны допустить конфронтации в обществе, гражданского неповиновения, голода и кровопролития. В сложившейся ситуации долг каждого — крепить правопорядок, дисциплину, ответственно относиться к своим обязанностям. Все взятые на себя предприятиями и организациями обязательства должны быть выполнены, а сложившиеся хозяйственные связи — сохранены. Важнейшая задача всех трудящихся — собрать и сберечь выращенный урожай.

Сложность нынешнего этапа не должна подорвать нашу убежденность в необходимости дальнейшего проведения демократических преобразований. Только наша добрая воля, стабильность и эффективная работа приведут к желаемым результатам, миру и согласию.

Президиум Верховного Совета
Белорусской ССР.

Взгляд
на события

К ЧИТАТЕЛЮ

Мы, журналисты, сами внушали вам эту уверенность, повторяя от повода к поводу: скорее солнце не встанет утром, нежели газета не выйдет в свет. Но, видимо, случаются дни затмения, когда законы природы ставят нас вне закона.

Во вторник сотрудникам редакции пришлось буквально зависать над служебными телефонами, отвечая читателям на один-единственный вопрос: почему не вышел очередной номер газеты? Причем, получив ответ: «Номер был задержан» — многие из них, видимо, чтобы не подводить журналистов (а вдруг телефоны прослушиваются?), с пониманием прервали разговор, пожелав напоследок: «Держаться...»

Итак, формально выпуск номера был остановлен следующим образом. В понедельник, в девятую часу вечера, заместитель управляющего делами ЦК КПБ А. А. Мардашов, ознакомившись с его содержанием, отдал соответствующее распоряжение подведомственному издательству, в котором печатается наша газета. Причем, причина была высказана поистине смехотворная: мол, часть материалов стилистически плохо подготовлена, и номер поэтому надо задержать. Что ж, читатель наших «стильредакторов» судья...

Многие из нас также спрашивали вчера: «Что делать? Делать выбор. Между диктатурой и совестью. Сейчас, готовая очередная номер, мы еще не знаем, сможет ли наше слово на этот раз прорваться к вам. Наши силы поддерживает вера в то, что свой выбор народ сделает в пользу демократии и свободы».

ПОРЯДОК—НО НЕ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

— Я — ЗА ДИСЦИПЛИНУ и порядок, но не любой ценой. Я — за Советский Союз. Но не «стертый», а обновленный. Добиться порядка и построить новый Союз, на мой взгляд, возможно лишь единственным путем — основываясь на законе, заявил Д. Булахов.

Конституция Союза ССР допускает возможность замещения Президента вице-президентом и введение чрезвычайного положения — но при строгом соблюдении законодательства.

На мой взгляд, ГКЧП образован не конституционным путем, его постановление, решение в ряде случаев противоречат законам Союза и нашей республике.

Согласно Конституции, высшие органы государственной власти не могут быть образованы посредством политических деклараций, заявлений и т. д. Существует строгая правовая норма: постановление съезда, Верховного Совета либо указа Президента.

Решение о чрезвычайном положении может ввести не

территории Советского Союза только Верховный Совет СССР. А в отдельных местностях только Президент или лицо, его замещающее, причем, как минимум, при уведомлении органов власти соответствующих республик.

Далее. При введении чрезвычайного положения, помимо его мотивов и сроков, указываются и территориальные границы. Принятое заявление гласит о введении его в отдельных местностях Союза. И здесь мне видится противоречие с п. 1 постановления № 1 ГКЧП, требующим: «Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР о правовом режиме чрезвычайного положения и постановлениями ГКЧП СССР».

Совершенно убежден, что в Белоруссии нет необходимости ни в чрезвычайном положении, ни в отказе от принятых

демократическим путем законов. Законодательство в республике должно действовать в полном объеме, о чем, в частности, утверждается и в Обращении, принятом вчера на заседании Президиума Верховного Совета Белоруссии.

Лично от себя хотел бы обратиться к населению, политическим партиям сохранить спокойствие и выдержку, не предпринимать действий, которые могли бы спровоцировать ответную реакцию с непредсказуемыми последствиями. Как депутат, как председатель Комиссии по законодательству, со всей ответственностью отмечаю: сегодня не исчерпаны все реальные возможности влиять на ситуацию законным путем, посредством решений конституционных органов власти.

Свою позицию 26 августа 1991 года по этому вопросу должен выразить Верховный Совет СССР, обязан сказать слово Комитет конституционного надзора Союза ССР. Полагая, что отношение к данной ситуации высказан Верховный Совет Белоруссии.

Записал Андрей МАКСИМОВ.

Площадь
Свободы.
Кто с листовкой,
кто с автоматом

Своими именами

За что боролись...

ВОТ И СВЕРШИЛОСЬ. Государственный переворот, о котором говорили, судили-рядили, от которого отмахивались («да теперь это невозможно»), которым запугивали друг друга, произошел. Дикторы телевидения записывали голого человека, читающего документы комитета, объявлявшего в стране чрезвычайное положение. Слова вроде все правильно... Необходимо предотвратить развал страны, полного хаоса, необходимость защиты интересов всех граждан... Слова, которые мы столько раз слышали от разных людей и с разных трибун...

Итак, нас опять в который раз — хотят сломать. Для нашего спасения на сей раз понадобилось:

1. Сделать сверхчуждое заявление о невозможности исполнения М. С. Горбачевым своих обязанностей по причине состояния здоровья. Что именно случилось с Президентом СССР (инфаркт? инсульт? простуда?) — это не должно интересовало граждан страны.
2. Пользуясь ангажированным ухудшением здоровья президента (и), немедленно создать не предусмотренный Конституцией СССР комитет, присвоивший себе высшие властные функции.
3. Нарушить Конституцию СССР, согласно которой чрезвычайное положение в стране невозможно объявить без участия Президента, Верховного Совета СССР и республиканских властей.

В любых учебниках права все происшедшее именуются самозванным захватом власти, государственным переворотом. У нас это делают вице-президент, премьер-министр, председатель КГБ, министр внутренних дел, люди, неуставно повторяющие о необходимости строжайшего соблюдения законности.

Впрочем, чего удивляться... В нашей стране — это традиция давняя. Заговоры, перевороты... Было и в 1917-м, и до, и после... Мы никогда не жили в правовом государстве. Народ к этому привык, и подобная смена власти не кажется ему странной. Привыкли мы давно к праву сильного, к праву победителя, которого не судят. Нынешний переворот также, без сомнения, рассчитан на эту привычку: проглотят. Сделана ставка на «темную Русь», на общую нашу усталость от нехватки, межэтнических кон-

фликтов, постоянной тревоги за детей, за их будущее. Но есть и ставка на слепую, помпезную, антидемократическую стихию, на мощную пятую колонну сталинских. Естественно, что розданы самые широкие обещания... Помогите же снизить цену. А уж если водка подешевеет...

Итак, у нас опять «чрезвычайная» власть. Как не вспомнить о «чрезвычайках», которые командовали жизнью после октября 1917 года. Уже определились, какие газеты нам читать, а какие прикрывать (под видом перерегистрации). Уже в суверенной Белоруссии местная власть запрещает выход периодических изданий (вчера не вышла «Знамя юности»), где делается попытка дать свою оценку событиям.

Кто же, организаторы переворота сильно рассчитывали на наше критическое отношение к Горбачеву. В последнее время мы были более чем недовольны и справа и слева. Но будем ли бросать в него камни сегодня? Будем ли злорадствовать: вот, мол, и получил от своих соратников... Забудем ли, что именно Горбачев поднял нас с колен?

Это была великая трагическая фигура нашей истории. Я пишу в прошлом времени, потому что не верю — тут, сейчас, в настоящем времени, обществу возможность возврата президента. Эти люди знали, на что шли... Ну, а что ждет нас? Гражданская война? Польский вариант 1981 года с «интернированием» несогласных?

Сегодня каждому из нас нужно понять: решается судьба свободы, демократии в нашей стране. Есть общая наша вина в жалости к путинцам. Амбиции, национальные, религиозные, политические, личные слишком часто оказывались выше судьбы народной. Сумеем ли преодолеть их в этот роковой час?..

Семен БУКЧИН.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

ЧТО ЖЕ ТЫ прячешь глаза, солдат? Или боишься ощутить в крепких тренированных ладах озоно-советской, озоно-страх в моих глазах? А то и пуще того, не страх — а сострадание к человеку, которого поставил в тяжелое положение приказов поставил в тяжелое положение мужского выбора, когда выбора почти не остается?

Ты чувствуешь, солдат, что-то не то происходит, если женщины дарят сегодня мужчинам цветы, растерянным мужчинам, выстроенным с полной выкладкой в геометрически безукоризненные шеренги. Я прощу тебе все, солдат, Пока есть возможность говорить, я скажу:

если тебе придется стрелять в меня, в мои глаза — а что преступного, кроме жажды свободы, можно было в них увидеть? — если тебе придется стрелять — а не вина тебя в этом. Только сам ты не ищи себе оправданий — достаточно много...

Пока еще есть время, я протягиваю тебе руки, солдат. Чтобы ответить мне тем же, тебе придется положить к моим ногам — щит и меч. Еще запомни — пока было время, я говорил своим друзьям то, во что верил: не нужно бояться человека с ружьем.

Юрий СМЕРНОВ.

Фото Виктора ДРАЧЕВА.

Хроника смутного времени У стен резиденции Ельцина

ОБСТАНОВКА вокруг здания Верховного Совета РСФСР весьма напоминает январскую в Прибалтике. Только в большинстве случаев, соответственно трагичности происходящего, масштаба. Семь танков и один БТР из тех, чьи экипажи перешли на сторону народа, стоят по периметру здания ВС. Правда, они без боекомплекта и служат больше для поддержания духа собравшихся.

Входы в Верховный Совет и подступы к нему завалены бетонными блоками, арматурой и выломанными из брусчаткой площадки камнями. На баррикады организована доставка продовольствия. Жители столицы проводят здесь ночь на 21 августа, как и предыдущую.

Кстати, защитники президентства России не безоружны: солидной поддержкой стал Московский областной ОМОН, численность которого, по словам его командира, «достаточно для защиты». Ну, а омовоцы города в количестве полтора тысяч человек перешли на сторону ГКЧП.

Выступающие на 400-тысячном митинге идут к трибуне под прикрытием милиции в бронжилетах. Боязнь снайперов небезосновательна: так, было сообщено, что двое стрелков обзавелись на близлежащих зданиях. В целом же атмосфера у оплота России, хоть и напо-

лена тревожным ожиданием, но, в общем, довольно оптимистична.

В 12 ЧАСОВ дня 20 августа одновременно возле Моссобета и здания Верховного Совета России состоялся митинг в поддержку президента страны М. С. Горбачева, судьба которого до сих пор неизвестна. На митинге у Верховного Совета была оглашена информация, в которой сообщалось, что комиссия в составе семи человек, включая и лечащего врача президента, пыталась попасть на дачу Горбачева, но этого не удалось. Лечащий врач, наблюдающий, несомненно, за здоровьем Горбачева, заявил, что до 18 августа самочувствие президента не вызвало никаких опасений.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ митинга у Моссобета, на котором, в частности, выступили мэр Москвы Г. Попов и З. Шевардина, около 150 тысяч человек примкнули и собравшиеся перед ВС РСФСР.

В 13.45 стало известно, что Таманская дивизия и войска, дислоцированные на Сахалине, перешли на сторону Ельцина. Кроме того, свою готовность поддержать Президента России выразили представители ВВС страны.

ГКЧП ИЗДАЛ приказ арестовать Бориса Ельцина, Романа Рубин, ОБРАЗОВАВ штаб защиты марш Ленинграда.

Сергей ОРЛОВСКИЙ, специальный корреспондент «Знамени юности».

По телефону. 20 августа, 17.30. (Окончание на 4-й стр.).

Волна безработицы ожидается осенью

С 1 июля в соответствии с новым законодательством Союза ССР и республик о занятости в стране впервые за последние шесть десятилетий проводится регистрация безработных. И, естественно, проблема занятости сразу оказалась в фокусе внимания общественности.

ПРАВДА, большого наплыва лиц, обращающихся за помощью в реформирующуюся службу занятости, не наблюдается. Даже в городах-гигантах на учет встали лишь тысячи, а не десятки и сотни тысяч граждан, ищущих работу и претендующих на пособия по безработице. Похоже, оправдываются прогнозы специалистов, утверждавших, что ныне количество безработных в стране вряд ли превысит два миллиона человек, или примерно 1,5 процента от общего числа занятых, достигающего, по последним данным статистики, 135 миллионов человек, из которых около 112 миллионов составляют работники государственного сектора народного хозяйства.

В то же время ожидается, что уже этой осенью ситуация начнет меняться в худшую сторону. Сказывается ускоряющийся переход к рынку, при котором предприятия и организации, чтобы выжить в условиях обостряющейся конкуренции, пойдут по пути изъятия из излишков рабочей силы. Несомненно, какая-то часть предприятий и организаций в ходе структурной перестройки экономики и перемен в системе управления будет ликвидирована. Очевидно, в осеннюю пору будет повышаться напряженность в сфере занятости и такой временный фактор, как приток миллионов выпускников школ, профессиональных учебных заведений и вузов.

Каких же масштабов может достичь безработица уже в нынешнем году? Прогнозы делаются разные. Но чаще всего специалисты называют цифры порядка 3—3,5 миллиона (включая лиц, занятых на общественных работах). При этом предполагается, что в службу занятости в нынешнем году обратятся до 12 миллионов трудящихся, из которых половину удастся устроить без особых хлопот на имеющиеся вакантные места и примерно трем миллионам работа будет обес-

печена после прохождения переобучения.

Безработица, как ожидается, будет главным образом структурной и локальной. Наибольшие трудности, по имеющимся данным, ждут лиц с высшим образованием. Что же касается лиц рабочих профессий, то с ними почти повсеместно значительных проблем не предвидится. Крупными очагами безработицы могут стать Москва и Ленинград, города, в которых, видимо, грядут крупные сокращения административно-управленческого персонала и работников научных учреждений. Скорее всего, высоким будет уровень безработицы в регионах Северного Кавказа и Средней Азии, где и ныне проблема занятости является весьма острой.

Оговорюсь: все прогнозы нельзя считать безупречными, абсолютно надежными. Ибо достаточно четких, проверенных практикой методов подсчета пока здесь не существует. И невозможно даже приблизительно предугадать, какое число рабочих мест в стране будет утрачено из-за банкротств, закрытия предприятий по экологическим причинам и какое число новых мест появится в быстро развивающемся частном секторе народного хозяйства.

Но угроза резкого возрастания уровня безработицы реальна. И власти начали проводить в жизнь широкий комплекс мер, стремясь противостоять надвигающейся волне. Что же делается конкретно?

Прежде всего увеличивается численность работников службы занятости, расширяются ее функции. Раньше она занималась лишь локальной регистрацией свободных рабочих мест и трудоустройством. Теперь наряду с этой задачей работники службы выполняют немало нового. В их числе анализ тенденций, характерных для рынка труда, организация сети переобучения трудящихся, профессиональная ориентация высвобождаемых работников, соз-

Алексей ДУМОВ, обозреватель (ИАИ).

Субъективные заметки

СКУЧНО стало... читать. С одинаковым равнодушием перелистываю все «толстые» журналы. Солженицын, Солженицын, Солженицын...

Как всегда, мы ни в чем не знаем меры. Как всегда, мы во всем запаздываем. Произведения изгнанника начать печатать хотя бы в году 1985—1988-м. Когда страстно хотелось узнать о себе, о стране: как мы стали такими, как дошли до жизни такой. И Солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ», и его публицистика, и его книги о преддверии революции... все, уверена, поглощало бы жадно и безбеспрестанно.

Увы, не «пущали» их в печать. Редактор «Нового мира» Сергей Заплатин всячески отклонялся от якобы мною предложенных редакцией планов опубликовать Солженицына. А в последние два года — истинно советский парадокс! — именно «Новый мир» наиболее полно старается представить произведения писателя, начал осуществлять выпуск его много-многомеченных сочинений.

И редакция других «толстых» журналов постаралась не упустить, как им казалось, свой шанс, тоже наперебей печатали Солженицына. Осуществлен прямо-таки тотальный, массированный обстрел читателя. Результат же, убеждена, достигнут прямо противоположный задуманному. Возвращение пролога на Родину, как мыслится, не произошло. К этому времени мы, худо-бедно, но кое-что узнали о себе и своей истории, и открыты особым у Солженицына не нашли.

К тому же, оказалось, что в больших количествах книги писателя трудно «проглотить», особенно его многоисленные «узлы» и мемуаристическая «ветхость» язык. Солженицына тяжело для чтения, стилистическая архаичность невольно прорывается к мысли автора. А поскольку жизнь наша вынуждала, увы, не читать, а выслушивать, то и чтение не могло быть полноценным, а многие взяли себе за труд читать в Солженицына, хотя в тех же «узлах» многое вызывало прямые ассоциации с событиями сегодняшних дней.

Не являясь, кажется, большим событием в общественной жизни страны публикация в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» брошюры Солженицына «Как нам обустроить Россию». Для многих стало полной — и добавкой — неприятной неожиданностью довольно устаревшие взгляды писателя (впрочем, чему удивляться, когда человек смотрит не только на далекие географические, но и временные пространства) на государственность, без учета тех перемен в стране, которые произошли за последние годы стремительного распада империи.

Впрочем, писатель не Бог, даже если большой писатель, и он может и имеет право ошибаться. Хуже другое: наше стремление — сотворить в очередной раз кумира, нагнать кула, вещающего истину в пос-

ледней инстанции. И, слава Богу, что на сей раз из этого ничего не вышло. Значит, все-таки умнее народ, становится все более зрелым, сам хочет дойти до истины, сам хочет во всем разобраться, без навязывания сверху, как прежде.

«Солженицынская» эпопея» показывает и другое: насколько же по-прежнему далеки от подлинных интересов читателей наши книгоиздатели. За нас по-прежнему решают, что нам читать, навязывают свой вкус.

НАЧИТАЛИСЬ, ЗАСЛУЧАЛИ...

Эту неповоротливость, истинно неповоротливость, истинно неповоротливость издательства и «официальных» редакций, но и те немногие частные, что есть. Безусловно, последние несколько расторопнее, смотрят, как быстро насытит рынок, скажем, религиозной литературой. Но, похоже, почти сразу же произойдет и ее «затравка».

На мой взгляд, потому что, увы, даже в этом случае думали не столько о просвещении народа, сколько о прибылях, выгодах, причем сиюминутной, на волне возросшего интереса к религии.

Сколько лет мы ублажали себя и мир красивым мифом, что мы хоть и небогаты, но духовно, не в пример «растленным» Западу, что мы самый чистейший народ, и т. д., и т. п. А когда он лопнул, увидели: мы убоги не только материально, но, увы, и духовно. У нас весьма своеобразное представление о нравственных ценностях. Многие люди те же книги покупали, создавали личные библиотеки не из-за страстной любви к ним, а из-за «престижа». Из-за того, что книги были товаром. Особенно если с Севера (где возможности приобрести дефицит были шире, конечно, главным образом у начальства) везли на «большую землю» (материю).

Теперь книга как товар, быть может, сохраняет свое значение лишь для издателя. И то далеко не всегда. Люди устали, выдохлись, им не до книг, им не до «жизни» — быть, жить.

— Что, я эту книгу разорву на листки и вместо омеги использую? Или смогу съездить в отпуск? Нет, десять рублей, которые она стоит, я лучше на другое потрачу! — услышала я как-то возле книжного киоска.

И совсем не возмущалась «бездуховностью» говорившей женщины, хотя, представляю, какой бы была моя реакция еще несколько лет назад. Мне ведь и самой стало скучно читать, хотя, естественно, я по-прежнему старалась читать много. И, конечно, не потому

только, что профессия обязывает, а и по внутренней потребности.

Но с какой стати это должно быть правилом и для других? Накормите сначала народ, избыток его от ошальных очередей, дайте прийти к себе, чтобы люди могли оглядеться, успокоиться, а потом подумайте еще о чем-то другом, кроме хлеба и мяса.

Хватит разводить эти пустые, схоластические споры: бездуховность народ с колен не поднимается. Да он от голодухи

что в той борьбе с официальными структурами одержал победу.

И даже более-менее легко «проглотили» повышение стоимости подписки: лишь бы жили они, любимые издания.

Теперь цена на подписку всех изданий взвинтилась еще круче. Но, очевидно, кроме самих редакций это мало кого волнует. Что читателям до наших проблем: стоимости бумаги, типографских расходов, Министерства связи и прочих ведомств. Он просто не станет выписывать газеты и журналы в таком количестве, как прежде, и слабые, и сильные утратят своей естественной сортировки. Упадут «толстые» журналы, непомерно разбухшие в лих злета гласности.

Теперь мы волей-неволей стоим в своих пристрастиях избирательнее. Духовную пищу нельзя принимать большими порциями, ее надо кушать понемногу. Поэтому, несмотря на то, что пессимистический тон этих заметок, я все-таки в целом смотрю на вещи оптимистически. Книжки будут покупаться редко, но именно те, которые нужны людям. А личные библиотеки создаваться не для прехитрых и украшений полки, а из душевной потребности.

За счет уменьшения объемов журналов высвободится бумага, и монополии, которые взвинчивают цены на нее, рано или поздно придется задуматься о выгодах истинных и минимума. (И дальше по цепочке — типография, Минсвязь и прочие).

Редакция «попавших» журналов начнет более строгий отбор того, что достойно публикации в них. А чтобы не ошибиться, начнут, конечно, не понарошку, а серьезно изучать читательский вкус. Так что читать их станет интересно.

Идиллия! Беспокойные фантазии! Не скажите. Лет через пять-шесть вполне станет реальностью. Сакраментальная фраза «Жизнь заставит воплотиться» в практику.

А пока... Листаю «толстые» журналы, пробегаю глазами их содержание. «Новый мир», пятый номер... Открывается третья статья Солженицына. В середине журнала публикуется еще одна, под рубрикой «дневник писателя». Следом «дневник» Корнея Чуковского. С него-то и начну, читала в предыдущих номерах, — не торопись, но без скуки.

Однако все перевесили «Воспоминания» Вилли Брандта (журнал «Вопросы истории», первый номер которого только недавно поступил подписчикам). И я знаю, почему. Брандт пишет о послевоенной Германии, о том, как трудно приходило к политикам новое мышление, какие неминуемые проблемы приходилось решать на пути к миру и благополучию. Как бы пишет о нас, сегодняшних.

Может, именно такое чтение и нужно нам сегодня? Чтобы не упираться все время в тушку, а видеть свет в конце тоннеля? Ведь скука, как и равнодушие, вещь опасная...

Галина АЙЗЕНШТАДТ.

Коротко

ВСЕ СДЕЛАЛИ «КЛАССНО»

УЖЕ не за горами тот день, когда веселый звонок позвонит детворе за учебную парту. В Колтевской средней школе этот день будет особенно радостным — просторные классы, отлича-

ющиеся особым уютом и сверкающие чистотой, подготовили сами ребята. Старшеклассники, из числа которых было создано ремонтно-строительное звено, во время летних каникул не только чини-

ли столы и стулья, но и красили полы, клеили обои. О том, как оформили кабинет физики или биологии, ребята также думали сами.

(Корр. БелТА). Гродненский район.

Живи и помни!

Когда кончатся войны! Когда смолкнет последний выстрел и расступятся фронты, видимые и невидимые! Вроде бы так. Вроде бы все предельно ясно: Великая Отечественная началась 22 июня 41-го, 8 мая 45-го гитлеровское командование подписало акт о капитуляции, а на следующий день мы праздновали победу. Да, все именно так, любой школьник назовет вам эти даты. Как писал поэт: «С войной покончили мы счеты, бери шнурки, пошли домой».

Но есть и другие измерения, которые не вписываются в строгие хронологические рамки. Нет, далеко еще «не покончены счеты» с войной, если до сих пор не захоронены тысячи и тысячи павших солдат. И еще больше из них числятся «без вести пропавшими», если война настаивает переживших ее, даже спустя десятилетия, укорачивая их жизни ранками и болезнями, если далеко еще не воздано по долгу тем, кто спас Отечество в те страшные годы. И что прикажете делать с Памятью! Сроки давности она не признает.

В РЕДАКЦИОННОЙ почте по-прежнему поток читательских писем о войне. Большинство их авторов — бывшие фронтовики, партизаны и подпольщики — участники и очевидцы тех событий. Ветераны спешат сообщить «самое-самое», без чего, по их мнению, история Великой Отечественной будет не полной.

Да простят нас авторы этих писем за то, что далеко не все, написанное ими, попадает на газетные страницы: при всем желании «Знамя», как и любая другая газета, просто физически не в состоянии опубликовать все письма на военную тему. Но мы, как и прежде, будем изыскивать любую возможность и не только по «крупным» датам, чтобы снова и снова прикоснуться к событиям Великой Отечественной. Никогда не исчерпает эту тему. Нравственный опыт войны — наше бесценное духовное богатство.

Ветеран войны и труда из Гомеля Григорий Никифорович Артеменко врал изгнанным и своему материалу «Звезда была войной» строки из выступления старшего лейтенанта Мозырской школы на встрече ветеранов 6-й Мозырской артиллерийской дивизии: «О, солдаты Великой Отечественной войны! Пожалея, живите подольше! Живые памятники незыблемого горя великого народа, отдавшие все для великого его торжества. Вы так дороги, так нужны нам!».

«Утром 21 июня мы с песнями прошли по улицам Винницы, — пишет ветеран, — а поздно вечером наш 207-й пушечный артиллерийский полк подполд, по тревоге, и целую ночь с тракторами, пушками, старыми «ЗИСами» и «полуторками» двинулся по шоссе в направлении Каменец-Подольска.

Всего нас было около 10 человек. Началась бомбежка колонны. Средства борьбы с вражеской авиацией у нас не было. Мы могли стрелять по самолетам только из карабинов. А что можно сделать с ними? Ничего.

Падели, сраженные осколками, мы, мои друзья, с которыми я прослужил бок о бок почти десять месяцев.

Раненых клал в кузовы автомашин. Убитых — не орудию, лишь лафеты, ни одного не оставив врагу».

Г. А. Артеменко далее пишет о танковом и героическом боевом пути полка. Есть в его воспоминаниях эпизоды. При освобождении города Калинковичи группа разведчиков, к которой входил и автор воспоминаний, была послана к окраине города — выяснять обстановку.

«Сразу за рекой видна окраина, Калинковичей. Тут полком, что короткими перебежками, приближаемся к первым домам. Впереди Володя Стома. Внезапно он останавливается и не то плачет, не то радуется, заявляет нам: — Друзья мои, ведь это мой дом! Там должна быть моя мама!».

Мы все по очереди стали обнимать его. Предупреждая луну тускло освещает подсолнечные окна дома. А в центре города слышны уже редкие автоматные очереди. Враг покидает Калинковичи.

После митинга полк продолжал движение на запад. Где-то около 10 часов более 20 юнкеров начали бомбить колонну. Средства борьбы с вражеской авиацией у нас не было. Мы могли стрелять по самолетам только из карабинов. А что можно сделать с ними? Ничего.

Падели, сраженные осколками, мы, мои друзья, с которыми я прослужил бок о бок почти десять месяцев.

Раненых клал в кузовы автомашин. Убитых — не орудию, лишь лафеты, ни одного не оставив врагу».

Г. А. Артеменко далее пишет о танковом и героическом боевом пути полка. Есть в его воспоминаниях эпизоды. При освобождении города Калинковичи группа разведчиков, к которой входил и автор воспоминаний, была послана к окраине города — выяснять обстановку.

«Сразу за рекой видна окраина, Калинковичей. Тут полком, что короткими перебежками, приближаемся к первым домам. Впереди Володя Стома. Внезапно он останавливается и не то плачет, не то радуется, заявляет нам: — Друзья мои, ведь это мой дом! Там должна быть моя мама!».

Мы все по очереди стали обнимать его. Предупреждая луну тускло освещает подсолнечные окна дома. А в центре города слышны уже редкие автоматные очереди. Враг покидает Калинковичи.

В хате повисла тусклый огонек. Шелюшка шелюшка, и наш друг оказался в горячих материнских объятиях. Крик, плач, слезы. Вместе с ним плакала и мы, радуясь счастливой встрече

С ВОЙНОЙ МЫ СЧЕТАЛИ НЕ ПОКОИЛИ...

Где на своем танке снова на фронт — под Тулу против танков Гудермана. Воевал под Мценском, Юхновом, Мясным, Жидарой, на Курской дуге, участвовал в ликвидации гитлеровской группировки под Корсун-Шевченковском, в Львовско-Сандмирской операции. Фронтовые дороги вернули его в места, где началась для него война. А потом были Польша, Германия, Чехословакия. Войну закончил командиром батальона.

Н. С. Корвяков прислал три фотографии. На одной он после окончания полковой школы. На второй — по четыре тургольские. Старшина. На третьем снимке в июне 44-го он с боевыми друзьями: Костей Дубовиком, Иваном Егоровым и Милей Орешниковым. На груди у каждого по боевому ордену. Через месяц командир танковой роты Костя Дубовик героически погиб в бою. Третий снимок сделан 12 мая 1945-го, под Прагой. Здесь Н. С. Корвяков снят с Владимиром Гуром. У обоих капитаны по 5 орденов. Молодые, красивые, улыбаются. Война кончилась.

Но не стихает боль о погибшем. Николай Саксонович надеется, что, возможно, прочтя эти строки, откликнется родня и близкие его погибшего

фронтового друга Кости Дубовика.

В личном архиве участника войны Илья Александрович Борисов (г. Сидель Гродненской области) есть письма фронтовику. Одно из них от Семёна Борисовича Дяткина из деревни Бондари Сидельского рай.

«Здравствуй, дорогой мой! После госпиталя нахожусь в том самом полку, где служил раньше. Здесь встретил одноклассника Петра Сытома. Мы сейчас с ним едем из одного госпиталя и вместе находимся в Берлине, добиваем фашистского зверя в его собственной берлоге. Дорого, родные, вышло все, что война кончилась. Прости Бога, чтобы я был жив и здоров... До свидания! Ваш муж, отец, сын. 28 апреля 1945 года».

Одноклассник Семён Петр Сытый вернулся в родное село с тяжелой вестью: Семён погиб на войне. Однако вместо похоронки жена получила извещение, что муж ее пропал без вести.

«С тех давних пор, — с горечью пишет И. Борисов, — мучает солдатскую вдову мысль: а может, жив Семён? Сорос шесть лет вздрагивает она от малейшего стука в дверь. Но чужа не сплуниско. Семён не вернулся».

Сколько же их, солдатских вдов и матерей, омывших слезами нашу Победу, не могут примириться с казенно-равнодушной формулировкой: «пропал без вести». Да не пропали миллионы «без вести»!

справку из 44-го года — после расформирования партизанских бригад.

«А еще у меня нет, — пишет Валентина Николаевна. — Обращалась в другие районы области, но там такой справки не требуют. Интересно знать, как будет правильно со справкой или без справки. Очень прошу дать ответ письменно, потому что написать это в газете считаю не удобным для них и для меня тоже».

Но почему же «неудобным»? Вопрос о выдаче партизанского удостоверения должен решать советом ветеранов того района, где человек участвовал в партизанском движении. Свидетельские подтверждения других партизан и подпольщиков — очень важные документы и, если нет справки военных лет, они должны сыграть решающую роль в признании вас, Валентина Николаевна, партизанской связной. Если, разумеется, пробьетесь к истине, а не топите ее в бюрократическом крючкотворстве.

Письмо Илья Даниловича Пешко кричит от боли. Приведу его почти полностью.

«Ищут нам бывший унчик кондлагер Дахау. Вырос я в Украине в детском доме. В 1941 году наш детский дом эвакуировали в городе Барухе, нас, мальчишек детского дома, переместили в воинскую часть, а там было всего 15—16 лет. Под руководством Чернышова вместе с воинской частью попали мы в плен. Нам отделили от взрослых и уехали в Германию. Попали мы

в г. Штутгарт на авиазавод. Мы принимали активное участие в работе подпольной группы, созданной французскими пилотами. После ареста руководителем группы нас, 18 подростков, арестовали и привели в лагерь Дахау. Там мы находились до 1945 года. Разве можно словами передать то, что пережили я за это время! Издевательства на допросах, торжества выдвигали на расстрел... Только этого одному человеку хватит на всю жизнь. Но из жизни мучения не кончались. Судьбу остальных ребят не знаю. Меня с Василием Шабоном отравили в концлагерь Дахау. Мой лагерьный номер 30785, Василий — 30786 (Василий умер в 1980 году). Мои пребывания в Дахау подтверждены документами из архива лагеря. Но пережить там, вонючий могут понять только те, кто был в лагере смерти».

29 апреля 1945 года нас, находившую группу, освободили американские войска. После этого я переехал в Украинскую Советскую Армию. (Мне тогда было около 20 лет). И прослужил до 1950 года.

По постановлению Совета Министров СССР от 13.08.90 г. № 814 мы (1925—26 годов рождения) начинаем получать снова не пользуемся, как будто нам лагерь смерти был курортом (надо мной фамилии проводили опыты по замораживанию человеческого тела). Остался я жив потому, что в тех условиях люди заботились друг о друге. Что бы сохранить мне жизнь, заменили мой номер. Младшим по возрасту и военнопленным мы отделили нас от остальных и без того скудного пайка, чтобы спасти нас от голодной смерти, не давали о себе знать».

Кто же теперь позаботится о нас? И еще мне не понятно, почему мы ровесники — бывшие узники концлагерей — не можем пользоваться всеми льготами, а у нас в Беларуси никому нет дела до нас.

«Прошу «Знамя юности» помочь нам объединиться, может, сообщим, мы добьемся справедливости».

Читатель, подобные письма и думается: почему этот человек и его товарищи по несчастью, истерзанные в военное лихолетье, должны теперь, не склоняя лет, просить, словно милостиню, льготы? Государство в свое время не смогло обеспечить их безопасность. По преступной воле генсека Сталина и его подручных в фашистской неволе оказались миллионы советских людей. Так почему же, по какому моральному праву бывшим партизанам связным, узникам концлагерей, да и к другим, обожженным войной, такое бездушное отношение? Что же мы за народ, за государство, если нормам отмахиваться от этой людской боли!

Нет, с войной еще не покончены счеты. Еще есть долги, которые надо платить немедленно, пока живы люди, которым они принадлежат.

А иначе как!

Михаил НОРДШТЕЙН.

Служба офицерская — далеко не мед. Это вам скажет любой, кто когда-нибудь носил, а тем более сегодня носит звезды на погонах. Людей, посвятивших жизнь защите Отечества, хочется без преувеличения назвать самоотверженными. Кто еще согласился бы добровольно десятилетиями лет вести колючую жизнь, по многу раз переживать с семьей изгнание в конце страны, менять по приказу места службы, занимаясь из гарнизона в гарнизон! А ведь каждая такая перемена дислокации всякий раз порождает целую кучу проблем, по меткому выражению армейских остроумцев, сравнимых только с пожаром. Не будем уж говорить об оставленных на старом месте громоздких вещах, которые не так просто переносились, а в контейнерах с самыми необходимыми, из которых после долгого путешествия по железной дороге последние достают обломки телевизоров да черепки от посуды.

Нет вам угла, господа офицеры

САМЫМ ЖЕ большим вопросом для офицерских семей по когда-то кем-то введенному правилу был и остается жилищный. Редко кому выпадает счастье по прибытии в новый гарнизон сразу поселиться в служебную квартиру. Чаще и юные лейтенанты, и посевшие на службу подполковники вынуждены снимать углы у частных, платящих немалые деньги и жадных...

И без того с трудом решившись в прошлые годы жилищная проблема в БВО сегодня еще больше обострилась. Из Восточной Европы в соответствии с выводом оттуда советских войск кинулись шлоны и военные и их семьи. И всем сразу нужно жилье.

Несмотря на обычную для нас спешку с выводом, в Краснознаменном Белорусском военном округе все-таки успели предпринять энергичные меры по обеспечению людей крышей над головой. Сейчас полным ходом развернулась подготовка к расквартированию частей из Западной группы войск. При этом учтены просчеты, допущенные во время возвращения шлонов из Венгрии и Чехо-Словакии. Тогда многие семьи военнослужащих оказались в весьма стесненном положении, были вынуждены ютиться во временно переоборудованных казармах, учебных корпусах, наспех построенных модулях.

В соответствии с планом вывода из округа предстоит построить более 7 тысяч квартир. Одна на строительные площадки развернувшись в жилищном основном боре на окраине Борисова. Жилье здесь возводит тульская фирма «Знамя», руководители которой довольны первым этапом работ. Они считают, что если сохранить взятый темп строительства, то уже к концу нынешнего года военные получат под ключ целую жилую городок.

А как обстоят дела жилищные в частях, которые прибыли из-за границы ранее? Не обошлось без сложностей в военном городке Марьиной Горки, куда эвакуированы части из Чехо-Словакии. Перед самым их прибытием военным строителям пришлось возвести здесь 15 модулей, переоборудовать под квартиры учебные корпуса.

К сожалению, гарнизон пока не имеет своего медпункта, а начинающемуся учебному году с перегрузкой будут работать средняя школа и детский сад, случаются перебои с подачей воды. Но военные строители не терпят времени и главного уже добились: ни одна семья в городке не живет на частных квартирах, что весьма существенно с учетом резко подскочившей цены за жилье.

Командование округа постоянно держит под контролем все строительные площадки в гарнизонах, спланированных и реализованных, и жилищно-коммунальных в районных городах. Как сообщили в строительном управлении БВО, в текущем году уже построено более полутора тысяч квартир в современных благоустроенных домах.

Л. ТРАЦЕНСКИЙ, корр. БелТА. Белорусский военный округ.

ФОТОГРАФ пилится пять лет, и все-таки напоследок урони на тебя тень. На фотографии, тронутой жемтиком, за тенью слова не слышишь, и стрелки часов утонут в темном патне циферблата, и бликом слепым на стене чужой занавешен портрет. Что могу разглядеть в глазах, тогда меня не знаешь! Только веру в меня.

Юрий СМЕРНОВ.

СВЕТОТЕНЬ

Ольга ОБЛУКОВА

Урок первый — от Аристотеля

КАК КАЖЕТСЯ, поэтическое искусство породили вообще две и притом естественные причины. Во-первых, подражание присутствующим людям с детства, и они тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны и подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания, а во-вторых, продукты подражания всем доставляют удовольствие.

Поэзия, смотря по личным особенностям характера поэтов, распадается на разные отделы: именно поэты более серьезные воспроизводят прекрасные деяния, притом подобных же им людей, а более легкомысленные изображали действия людей негодных, сочиняли сперва насмешливые песни, как другие сочинили гимны и хвалебные песни. До Гомера мы не можем назвать ничей поэмы подобного рода, а начиная с Гомера это возможно... Появился, как и следовало, насмешливый метр: он и теперь называется ямбическим, потому что этим размером осмеивали друг друга. Таких образов один из древних поэтов стал творцами героических стихов, другие — либос...

(Из «ИСКУССТВА ПОЭЗИИ»; между 336—332 гг. до н. э.).

ЕГО ЗНАЛИ в республике как редактора молодежной газеты «Чырская знамя», Иларда показывали, но больше хулили. Намного младше по возрасту власти ставили в торце стола, беззастенчиво командовали, поучали...

А он был поэтом. Раскрой он эту тайну, изменилось ли бы что-то в его судьбе? Или, может, драматизм и нелепость многих прошедших событий были бы острее?

Я был первым, кто прикоснулся к тайне. Это случилось в январе 1989-го. Тень досадного недоразумения между нами была уничтожена звучанием родниковой чистоты Слова. Об этом еще предстоит когда-то сказать...

А пока свершается также великое таинство — поэт Валерий Плюсков делает первый шаг к читателю.

Павел ВОРОБЬЕВ,
главный редактор газеты «Знамя юности»
Валерий ПЛЮСКОВ

ЗАПОЗДАЛЫЙ РОМАНС

Не упрекаю Вас ни в чем —
Не виноваты Вы, что так все получилось.
С небес нисходит тусклый день с дождем.
На окна и сердца — на все, что отделилось...

Не упрекаю Вас ни в чем.
Тогда мы были так близки.
И юные чертухи ветвями нас ласкали,
Слетали свежие с соцветий лепестки —
Мы, опьянясь, цветок судьбы несли...

Тогда мы были так близки.
И юные чертухи ветвями нас ласкали,
Слетали свежие с соцветий лепестки —
Мы, опьянясь, цветок судьбы несли...

Жаль, все закато — и любовь, и жизнь,
А близость душ не закрепить печатю...
Все холоднее, все туманней высь
И крики стай крылатых все печальнее.
Жаль, все закато — и любовь, и жизнь.

Не упрекаю Вас ни в чем
И не прошу те дни вернуть обратно —
Я знаю, что на свете мы живем
Во всем неповторимо, невозвратно...
Не упрекаю Вас ни в чем.

ДИСКОТЕКА

Лажает ного-то там танорчик,
Шаманствует под барабанички...
Всего по 16 девочек,
Всего по столько же мальчишкам.

Презрев моралистов нотации,
Хлебнув игристого толпую,
Они в забвение таят
Уходят от скупых столиков.

В щелочин между венками
Выворачиваются радуги звуков...
— До здравствует диско-мука!
— До здравствует диско-мука!

Майф Ингаров пенится,
Танорчик что есть мочи,
Смаз микрофон, как пенник,
Зовет старый мир прикончить.

Мы живем — не живем: в нас уснула душа,
Поживем и уйдём в никуда не спеша.
Потихоньку иль с грохотом дверь затворим —
Все дороги ведут в Никуда, а не в Рим.

Знаем, там не дадут розжиге кусок,
Там межведомственная пыль, а не пляжный песок...
И зачем нас господь на земле сотворил,
Коль путь наш пролегал в Никуда, а не в Рим!

«Жило-было...» — когда-нибудь скажет о нас
Человечество общеземной Ренессанс, —
Пляжа жадных, завистливых, злобных горилл
И торжло тропу в Никуда, а не в Рим.

ЗОВ

Всё зову тебя, зову...
Обнажила душу осень.
Сумрак крася среди сосен.
Стыла высь. И крик — в зову.

Всё зову тебя, зову...
Ты услышь меня, услышь...
Подлость дробы. Крылья трепет.
С вышней простлилась лебедь.
Вздоргунал раненый камыш.

Ты услышь меня, услышь...
Ты спаси меня, спаси...
Тяг в кострище пепел серый.
Трое с псами в лодку сели:
Жертву Сытый Бог просил.

Ты спаси меня, спаси...
Лес притих, приумолк,
Не шумит, не дрожит,
Лишь осинный шелк
Над тропой шуршит.

ПЕСНЯ

Отцвела сирень ветвистая —
Ветер соднул лепестки.
Подхватила речка бистая,
Унесла их за мостки.

За рекой тропички луговые
В степных травах провалялись,
Со своей мечтой юною
Здесь мы об руку прошли.

Звезды асыхнули — растаяли,
Сидела роса расцвет...
Мы в лугах любовь оставили

Собирать медовый цвет.
Обещали ей, счастливые,
Воротиться навсегда...
Ой, ты речка говорливая!
Ой, ты бистая вода!

Прошуршит и потом
Все недвижно опять,
Тишина на ветвях,
Словно озера гладь:

Мы — хиппи, и нам не надо
торчать в очередях за колбасой и любовью;
Мы — хиппи, и нам не надо
грязных денег и кровавой власти;
Мы — хиппи, и нам не надо
кричать на параде «ура!»;
Мы — хиппи, и нам доступен
глоток недоступной Свободы!

Мы — хиппи, и нас не назначают
Министрами Министрства Ненужностей;
Мы — хиппи, и нам не продадут
Коммунизм через черный ход;
Мы — хиппи, и нам не солгут:
«Все люди — братья!»;
Мы — хиппи, и нам доступен
глоток недоступной Свободы!

Нина ДЖИОЕВА

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

По самой сути сущности
Мы гости на земле,
Валованные в юности,
Как младшие в семье,
Задумчивые к старости,
Когда из прежних лет
Прощенья и усталости
На нас нисходит свет.

По сути и по сущности
Не вечны мы, увы,
И с космосом созвучности
Для слуха не новы.
Под этой бездной воздуха
И таймой миров иных
В пути недолгом отдыхом
Оазис наш возник.

Прекрасный, как рождение,
Как сон в шелках травы,
Как звуков наваждение
Небесных, хорových.
А мы на нечто молимся,
Неведомое нам,
И, как под ветром, клонимся,
Ломаемся пополам.

И не друзей по разуму
Находим в краткий миг,
А лишь пустыми фразами
Меняемся с людьми.
А жизнь, как скорый,
катится,

По рельсам дней летит,
И первый, кто спохватится,
Ее опередит.

Светлана ВЕТРОВА

Чашку крепкого чая по кругу
Передай — здесь на всех по
Я дарю свою веру в друга
Опьяняющую клятву.
Не спешите: сгорит пламя,
А не жизнь дым пускает
И не признанными именами
Перешептываются леса,
Брось в костер серый верою
Спой: гитарные струны целы,
Чтобы ревности чайные розы
Среди елей не расцвели.
Спой. От горького дымного
И аккордов под горькой рукой
Мы не раз уже годы прощали,
Чтоб на час обрести покой.

Валентин СЕРГЕЕВ

Через множество лет,
в мире новом, ином
Люди, в вихре веков
уцелевшие,
Может статься, великим грехом
Засчитают нам наше
безгрешие...

Я все унес,
Как будто лишь за тем ходил...
Под светом звезд,
Вернувшись, на порог ступил,
Как тень берез,
Когда их дровосек рубил,
Как плач без слез,
Как сторож посреди могил,
Как верный пес,
Которого хозяин блял...
Что долго в склепе жил,
Как плач без слез,
Хозяина хранил.

Как тень берез,
Лишь ночью выходил.
Под светом звезд,
Он жадно воду пил...
Я все унес,
Что сторож приносил...
Я все унес,
— И лишь себя забыл.

Ирина МАСЛЕНИЦЫНА

СОЗДАНИЕ МУЖЧИНЫ

Муза, переступи пороги!
Гибкость пальцам придай, молю я!
Я всеобща — сам господь Бог,
Ведь Мужчину себе создала я.
Некий пламень во мне горит,
Извержение — не опасней.
Мрамор в браке с рукой родит
Человека, что нет прекрасней.

Крепость телу его я дам,
Дам глазам — синеву сказочную,
Нежность ветра придам рукам,
И тепло волн — поцелую.
В красоты пусть не видит дым,
Бог меня красотой обидел.
Будет пусть немного слепым,
Только души мою чтоб видел.

Тело все передернул стон,
Глаз слезу удержай не смеет:
«Оживи, мой Писмалюх»...
Шепчет слышно чуть Галатея!
Он придет и расцвет мрак...
Не поисте, а никак причина;
Что-то в мире этом не так,
Если мы создаем Мужчину.

Урок третий — от Буало

...Будь то в трагедии, в эпикой или в балладе,
Или рифма не должна со смыслом жить в разладе;
Меня ним ссоры нет и не идет борьба;
Он — востановит ее, она — его раба,
Коль вы научитесь искать ее упорно,
На голос разума она придет покорно,
Охотно подчинится привычному ядру,
Моя богатство в дар владыке своему.
Но чужд ей волю дать — встанет против долга,
И разуму ловить ее придется долго.

Пока неясно было, что вы сказать хотите,
Простых и точных слов напрасно не ищите;
Но если замыслил у нас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов.
Законная лязга покоростуйте, смиренны,
И твердо поинтите: для вас они священны.

Гармония стиха меня не привлекает,
Когда для уха чудно и странно оброт.
Иноязычных слов бегите, как зарзасы,
И стройте ясные и правильные фразы.
Лязг должны вы знаты: свишот тот рифмоплет,
Что по наитию стихи строчить начнет.

Писните не спеша, наперком приказам:
Чрезмерной быстроты не оборотит разум,
И торпильный слог нам говорит о том,
Что стихотворец наш не наделен умом...

(Из «ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА»; 1674 г.).

Александр СЕМЕЙКО

СОВЕТ

Уже струю он протянул,
Кусок коры, хвонку —
Чтоб первых поисков
Краснеет пня струящая
Лучи в ветвях плетут
Ноздрями их свободно
Лед на воде не толще паутины.
Уж прутком разбил я
Берн весну, ручей, — она твоя!

— А вы седой! — сказали мне
при встрече.
А были черным!
— Был, — ответил я.
И что-то мне тогда легло
на плечи
Придавило камнем бытия.
— А ты не старей!
Мои друзья за праздничным
столам.
И мне как будто крылья
развязали,
И тут свистнул воздух
под крылом.
И полетел я в облачные выси,
И был я очарован красотой.
Дремлавшие во мне дотеле
мысли
Заволавались нивью густой.

Алексей ИЛЬНИЧК

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

От спячек рябины уже загорелась ольха.
От жара их съездили нежные листья березы.
И сыплется с неба дождик, а так, чепуха —
В пыль ветром холодным разбитые грустные слезы.

Клен сбросил пропадающую куртку: «И так прожигу!»
Глушька-налина довольна убором багрянца.
А в углях листья, осыпавшиеся на траву,
Обжарившись в кровь, раскатылись каштанами.

К рябине-девчонке с укором склоняется ель,
И что ей покар! Но и красе его чувствует зависть:
«Мне ветви украсит искриющимся снежет метель,
Но разве же можно, чтоб дети с огнем баловались?»

ЗИМНЕЕ

Гонка кончилась. Я открываю глаза потихоньку.
С тротуаров покурно перхотят воробья гребут.
И мороз на стеклах скелетов дышания, как пленку,
но сквозь шлей экран сменялся притом уют...
Мне не страшно уснуть под глазами сморщившихся чучел:
эта полнота вдали и орляк, и орляк асна.
Только твою снеговую лаву по сапогу шую наскучил,
и теперь, как с портрета, я вижу лишь голову сна.

По неверным глоткам кораблей искала омегу,
а по звездам твоим узнавала испитый рассвет.
И безу я по снегу — своими ногами по снегу,
отчуждая шагу, у которых ни камешка нет.

РАВНОДУШНОЕ

Мне б за низенький стол — вместо бара высокой трибуны,
мне б совсем на ковер, чтобы легче похлопать «сдаюсь!».
На шальных жербох подменили подругу дорогу.
Я сажусь на коня и кусаю — то повод, то ус.
Впрочем, повод не разбирается отделимо со всеми.
Из подданных всем — не тебе! — остается один.
Прикая позу гостей, к пьяной стойке подходят соседи.
и садятся в улья, подбивая под себя ватин.

Прсыпается соль — и пророков меняют местами.
Прсыпается боль — театралы уходят в кино.
Чье-то время прошло, а мое так еще не настало.
Это ворю тебе, ну а мне — мне уже все равно.

РОДИНА НЕЗУТОМ

Станный ветер меня обжигает струной.
Небо меркнет по краю. Костры затанулись.
Отдыхает под мельницей под ветряной
рыцарь Ветерный, пряча в ознобе сутулость.
Станный ветер последний не треплет волос,
и последних обетов не требует мальчик.
Небо в ордене гари поспать улеглось,
чтобы чуть поостыть на истлевших полянках.

Станный ветер давно обошел стороной
замок, где из бойниц небо мертвое рвется.
Перед каждой победой и каждой судьбой
рыцарь хочет найти себе оруженосца.

Урок четвертый — от Белинского

ПОЭЗИЯ есть высший род искусства. Всякое другое искусство более или менее стеснено и ограничено в своей творческой деятельности тем материалом, посредством которого оно проявляется. Произведения архитектуры поражают нас или гармонией своих частей, образующих собою гармоничное целое, или громадностью и грандиозностью своих форм, восторгаясь собою дух наш к небу, в котором исчезают все остроумные шпильки. Но этим и ограничиваются средства их обаяния на душу. Это еще только переход от условного символизма к абсолютному искусству: это еще не искусство в полном значении, а только стремление, первый шаг к искусству; это еще не мысль, воплощенная в художественную форму, но художественная форма, только намечающаяся на мысль.

Сфера скульптуры шире, средства ее богаче, чем у зодчества: она уже выражает красоту форм человеческого тела, оттеняет мысли в лице человеческого; но она схватывает только один момент мысли лица, одно положение тела. Притом же сфера творческой деятельности скульптуры не простирается на все человечество, а ограничивается только внешними формами его тела, изображает только мужество, величие и силу в мужчине, красоту и грацию в женщине. Живопись доступна всем, а потому и даже внутренний мир его духа, но и живопись ограничивается схватыванием одного момента явления. Музыка — по правилу — выражает внутреннюю жизнь души, но выражает ее неидеально, от звуков, а звуком, много говоря душе, ничего не выговаривает ясно и определенно уму. Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и словесное, ясно выговоренное предложение, и картина, и словесное, ясно выговоренное предложение, и картина, и словесное, ясно выговоренное предложение.

Поэтому поэзия заключает в себе все элементы других искусств, как бы пользуется ядром и нераздельно всеми средствами, которые даны порою каждому из прочих искусств. Поэзия представляет собою всю целостность искусства, всю его организацию и, объясняя собою все его стороны, заключает в себе ясно и определенно все его различия...

(Из «РАЗДЕЛЕНИЯ ПОЭЗИИ НА РОДЫ И ВИДЫ»; 1841 г.).

Тень на плетень навелили

Олег ВОРОДАЧ и Юрий СМЕРНОВ.

Им помогал фотограф Сергей ХОЛОДИЛИН,
В. ХРИСТОФОРОВ и Евгений ЗАЛУЖНЫЙ, а также
художница Светлана ВЕТРОВА.

